

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО МУЧЕНИЧЕСТВА В АНТИЧНОМ ХРИСТИАНСТВЕ

О. М. Ленцевич

Минск, Белорусский государственный экономический университет, liantsevich.volga@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности института мученичества в христианской церкви античного периода; выделены поведенческие мотивы, лежавшие в основе выбора христианами мученической смерти, проанализированы основные реакции римского языческого общества. Основное внимание уделено анализу на основе агиографических источников особенностей мотивов и поведения женщин-мучениц и исповедниц. Автор приходит к выводу об отсутствии гендерных границ в христианской среде в связи с формированием института мученичества.

Ключевые слова: античное христианство; Римская империя; жертвоприношение; общеимперские гонения; мученики; отступники; катехумены; Акты и Пассионы.

The article examines the features of the institution of martyrdom in the Christian church of the ancient period; the behavioral motives underlying the choice of martyrdom by Christians are highlighted, the main reactions of the Roman pagan society are analyzed. The main attention is paid to the analysis on the basis of hagiographic sources of the features of the motives and behavior of women martyrs and confessors. The author comes to the conclusion that there are no gender boundaries in the Christian environment in connection with the formation of the institution of martyrdom.

Keywords: ancient Christianity; the Roman Empire; sacrifice; general imperial persecution; martyrs; backsliders; catechumens; Acts and Passions.

Античнохристианский период, определяемый, прежде всего, как хронологический рубеж формирования религии и церкви в рамках античной цивилизации, сыграл в истории христианства решающую роль, – в течение непродолжительного отрезка времени церковь прошла значимый путь от разрозненных общин до разрешенной, а впоследствии и единственной в Римской империи религии с унифицированной внутренней структурой, систематизированной догматикой и сложным культом. При этом менялся и статус – от одного из многочисленных верований языческого Рима, к религии гонимых, и далее – разрешенной и, наконец, государственной религии.

Зарождающееся христианство провозгласило равенство в вере и спасении между мужчиной и женщиной, чем привлекло в свои ряды большое количество сторонниц. Женщины, причем из разных социальных слоёв, сыграли на этапе становления новой религии важную роль: их было много среди первых последователей; существовали женские должности клира; христианки активно участвовали в харитативной деятельности.

В период, когда христианство было гонимой религией, у женщин-христианок появился еще один путь получения особого статуса, в котором они смогли сравниться с мужчинами – обретение ореола мучениц или исповедниц. Мученики и исповедники были своеобразной вершиной христианской *cursus honorum*, избранниками Христа. Уверенные в том, что единственной настоящей и последней жертвой была смерть Иисуса Христа, его последователи отказывались совершать жертвоприношения языческим богам Рима. Для официальных властей это была необходимая форма демонстрации политической лояльности режиму и

почитания личности императора [2, с. 160; 8, с. 13]. Отказ объяснялся ими как неподчинение законам империи.

Мученики сознательно принимали тяжелую публичную смерть или кончину в темнице, отказавшись от демонстрации формальных языческих культовых практик; исповедники при этом оставались в живых после заточения и пыток (исповедничеством также называют промежуточное состояние христианина, еще не принявшего мученический конец [8, с. 17]). Их стойкость в вере, решимость пожертвовать всем, в том числе и жизнью, сыграли огромную роль в чрезвычайно трудные для христиан времена.

В раннем христианстве мученики причислялись вслед за апостолами и другими сподвижниками Христа к лику святых; вплоть до начала V в. эти категории составляли основные категории почитаемых святых [10]; при этом нельзя согласиться с утверждением, что только мученики являлись первыми христианскими святыми [8, с. 3].

В современной историографии вполне убедительно доказано, что добровольное мученичество последователей Христа связано не с их стремлением привлечь к новой вере как можно большее число сторонников из числа римских солдат, карауливших и сопровождавших христиан к месту казни, а также из числа зрителей-язычников, наблюдавших за таким распространенным в империи зрелищем [5, с. 36–37]. Римский обыватель негативно относился к закрытым сообществам, не желавшим участвовать в общественной жизни; образ жизни христиан обрастал многочисленными слухами и подозрениями, в том числе в убийствах младенцев (причащение плотью и кровью Христовой), ночных оргиях (христианские вечерние собрания и трапезы – агапы – собирали как мужчин, так и женщин-членов общин). Римское общество отличалось приверженностью к традициям, среди которых необходимость соблюдения обычаев предков – *mos maiorum* – являлось средством сохранения и трансляции римской идентичности, гарантией стабильности общества. Отказ от исполнения языческих ритуалов, носивших в восприятии простых римлян формальный характер и не затрагивавших глубинных основ мировосприятия человека, расценивался как безразличие к участи родного города [7, с. 6]. Именно поэтому зрелищная смерть на арене не могла вызвать ответной реакции со стороны зрителей и воспринималась как признак крайней глупости или душевного расстройства. А значит подвиг мученичества не ставил своей целью доказать истинность христианской веры перед язычниками [8, с. 3].

Иное дело – христиане-единоверцы, для которых мученическая кончина была подвигом веры, прямым способом обретения рая, что на фоне затухающих эсхатологических настроений было вполне закономерно. В формирующейся христианской традиции мученики, как писал Ипполит Римский, сами будут судьями в первом воскресении (*Hipp. In Dan.*, 37); только мученики и исповедники могли просить Церковь о прощении и принятии некоторых отступников [8, с. 19], не устоявших перед репрессиями власти. Примеры их стойкости вдохновляли многих слабых духом, они создавали героический ореол христианской религии, служили образцом непоколебимости в вере и праведности в глазах родственников и единоверцев, а впоследствии и многих поколений христиан. Наиболее глубокое впечатление подвиги мучеников и исповедников производили на катехуменов (оглашенных); для них самих мученическая кончина становилась коротким путем получения крещения, тогда как в обычном порядке его ждали до 3-х лет [5, с. 40].

Не случайно культ мучеников начал формироваться еще во времена первого общеимперского гонения на христиан при императоре Деции, в середине III в.

(дискуссию о датировке смотри в очерке В. А. Федосика «Мученичество в раннем христианстве» [10]). Современник дециева гонения, карфагенский епископ Киприан требовал фиксировать дни смерти мучеников, чтобы затем ежегодно отмечать их память (Epist. XII. 2). Тогда же стали составляться первые христианские мартирологи.

Среди мучеников, объявленных христианской церковью святыми, было немало женщин. Своими подвигами за веру женщины-христианки показали, что они не являются слабыми существами по своей женской природе. Феномен христианского мученичества ярко продемонстрировал христианское равенство мужчин и женщин. Причем, в экстремальных условиях. Итальянская исследовательница Элизабет Кастелли уделяет особое внимание слову гендерных границ, произошедшему в христианской среде в связи с формированием института мученичества [12, p. 112].

Важнейшими для исследования проблемы женского мученичества античнохристианского периода являются агиографические источники – Акты и Пассионы христианских мучеников. Как жанр агиография возникает в период общеимперских гонений III в.; при этом самые ранние легенды датируются II в. [3, с. 223]. Акты (Деяния) представляют собой описания судов и обвинений в отношении христиан; Пассионы (Мученичества) – описания жизни и кончины мученика, составленные непосредственными свидетелями или современниками. Они демонстрируют яркую картину положения христианства в период имперских гонений, предоставляют материалы для изучения этико-психологических проблем раннего христианства в целом. Тексты представлены по наиболее известному оксфордскому изданию «Акты христианских мучеников» [16]. Однако необходимо учитывать своеобразный характер данного источника, при работе с которым серьезное внимание следует уделить хронологии, точности описания подлинных исторических событий, проблеме реальности самих героев. При этом документы данной группы содержат важные сведения, не сохранившиеся в других источниках, в том числе касающиеся множества бытовых деталей, необходимых для исследования христианизации позднеримского общества [3, с. 223–224]. Вместе с мужчинами идет на костер христианка из Пергама Агафоника (160-е гг.) [6, с. 184], отказавшись принести жертву языческим богам (Pass. S. Carpi, Pamph. et Agaph. 6). Женщина сама выходит из толпы во время казни своих единоверцев и объявляет проконсулу, что должна разделить их судьбу. При этом обреченные на смерть ведут себя не как обычные преступники, радуясь, что покидают этот мир (Pass. S. Carpi, Pamph. et Agaph. 36–41), что вполне закономерно.

С ребенком арестовывают и бросают в тюрьму 22-летнюю Перпетую (203 г.) [11, p. 425; 14, p. 118; 18, p. 221], но она не поддается на уговоры отца-язычника, достаточно влиятельного в Карфагене человека, и отказывается принести жертву даже после того, как у нее отнимают маленького сына. Из тюрьмы Перпетуя писала о первом дне своего заключения: «Тогда это было мне испытанием, я была испугана, потому что я никогда не была раньше в такой темноте... Чрезмерная жара от множества людей, грубое обращение солдат, и, наконец, забота о моем ребенке – все это делало меня несчастной» (Pass. S. Perp. et Felicit. 8.3). Английский исследователь Уильям Френд наряду с Passio Sancti Perpetuae упоминает дневники Перпетуи [13, з. 234]. С Перпетуей в тюрьме находится её служанка Фелицитата. Она рождает накануне своей смерти, однако не отрекается.

На цирковую арену Перпетую и Фелицитату выводят в языческих нарядах, посвященных Юпитеру и Церере (Pass. S. Perp. et Felicit. 18), однако христианки отказываются от них; тогда их обнажают, но по требованию толпы возвращают

одежду (Pass. S. Perp. et Felicit. 20.3). Описание смерти мучеников было призвано будить в читателях-христианах ужас: молодых женщин бросают на цирковую арену для боя с бешеной телкой (Pass. S. Perp. et Felicit. 20). Зверей специально злили перед боем. Если обвиняемый при этом был просто покалечен, его могли казнить уже вне арены [6, с. 82]. Так происходит с Перпетуей, которая сама направляет кинжал служителя себе в горло, – «такая женщина не могла бы быть убита, если бы сама этого не захотела» (Pass. S. Perp. et Felicit. 21.9). Казнь над египтянкой Потамиеной и ее матерью «состояла в том, что различные члены ее тела, начиная с ног до головы, медленно мало-помалу обливаемы были кипящею смолою» (Euseb. H.E. VI.5). А она в это время своим поведением и словами смогла убедить в истинности христианства своего караульного – солдата Василида (Pass. Potam. 9).

Обращение стражей-язычников, карауливших христианок и впечатленных стойкостью их духа, встречается в агиографии неоднократно. Это охранявший Перпетую Пруденс, а также Василид (Euseb. H. E. VI. 5), казненный вскоре после смерти Потамиены в 203 г. Однако стоит согласиться с гипотезой А. Пантелеева, что эти случаи обусловлены не однократным впечатлением от подвига женщин, а протяженным знакомством с мученицами [5, с. 38]; так что обращение здесь является скорее дополнительным следствием подвига, а не целью молодых христианок. В более поздних «Житиях Святых» встречаются многочисленные примеры таких обращений: благодаря Ермонии, одной из дочерей апостола Филиппа, становятся христианами ее палачи [1, кн. 1, с. 113–115]; великомученица Евфимия обращает в христианство двух своих стражников [1, кн. 1, с. 308–317], Иустина – «колдуна» Киприана, который преследовал святую девственницу [1, кн. 2, с. 37–52], а девятилетняя Василисса из Никомидии привлекла к новой вере правителя [1, кн. 1, с. 73–75]. После казни на столбе Карпа и Памфила проконсул допрашивает Агафонику, однако ее не убеждают угрозы и уговоры об участии детей (Pass. S. Carpi, Pamph. et Agaph. 6). Она сбрасывает одежду и под возгласы сочувствующей толпы направляется к столбу. Пригвозжденную женщину поджигают, и она умирает, произнося имя Христа [9, с. 126].

Детальное, реалистическое описание пыток и страданий в Актах может объясняться влиянием на агиографов позднеримской среды, для которой кровавые зрелища были вариантом нормы [8, с. 21]; для христиан же они становились воодушевляющими на подвиг примерами. Случалось, что после страшных мучений за веру женщины оставались живы: «Жития Святых» приводят примеры первомученицы Фёклы, фригийки Ариадны, преподобномученицы Евдокии из Сирии [1, кн. 1, с. 343–344, 466–478; кн. 7, с. 5–38]. Мученицами становились и отступницы, проявившие стойкость перед испытаниями: Вивлию «временные страдания привели... к мысли о вечной геене, и она начала защищать христиан» (Euseb. H. E. V. 1). Каллисте помогла вернуться на путь истинной веры и принять мученический венец святая дева Дорофея [1, кн. 6, с. 106].

Для женщин вообще церковь делала акцент на особой важности борьбы с плотскими страстями. Поэтому мученицами становились не только женщины, отказавшиеся принести жертвы богам Римской империи, но и те, кто вел борьбу за свое целомудрие: так, Фомаида из Александрии отказавшись сожительства со своим секром, за что и была им убита [1, кн. 8, с. 196].

Интересно, что именно в «женских» актах и пассионах содержится немало трогательных, казалось бы, чисто бытовых, житейских деталей, которые не присущи описаниям подвигов за веру мужчин-христиан. Неизвестные нам авторы пассионов словно акцентируют внимание на таких характеристиках женской психологии, как любовь к детям, мужу, родителям. Эти чрезвычайно важные для

женщины связи мученице-христианке предстоит переосмыслить в экстремальных условиях, сделать необыкновенно тяжелый выбор между любовью к родным и близким и верой в Христа. Потрясающе выглядят душераздирающие сцены уговоров мученицы Перпетуи ее отцом с ее маленьким сыном на руках, крики в ее адрес из толпы на форуме: «Принеси жертву, пожалей дитя» (*Pass. S. Perp. et Felicit.* 3. 5–6). Не менее впечатляюще выглядят уговоры проконсулом Агафоники, чтобы она пожалела своих детей и принесла жертвы, и ее ответ: о детях позаботится Бог (*Pass. S. Carpi, Pamph. et Agaph.* 6). Женщины-мученицы отрекаются от родных ради веры, но при этом сохраняют свою любовь к ним, демонстрируя множество ее трогательных примеров.

В *пассионе* Агапы, Ирины и Хионии, относящемся к гонению Диоклетиана (начало IV в.), Ирина отрекается от своих родителей, желая спасти их от обвинения в соучастии в хранении священных книг (5). Кстати, в этом *пассионе* встречается и вовсе редкая бытовая деталь – на недоуменный вопрос префекта Дульцития к исповеднице Евтихии, как та могла забеременеть, если ее муж умер семь месяцев тому назад, та ответила, что беременна «от человека, которого Бог дал мне» (3). Очевидно, *агиографы* стремились подчеркнуть, что женщинам-мученицам приходилось гораздо сложнее порывать свои связи с земным миром при совершении тяжелейшего последнего выбора. Материалы *пассионов* опровергают мнение ряда исследователей, что для мучеников было присуще отрицание брака [17, p. 30].

Именно женщины были в тяжелое время гонений рядом с пострадавшими за веру: они посещали в тюрьмах исповедников, они же и погребали мучеников (дочь Траяна Дросида, которая крестит сама себя и бросается в печь с другими христианами; римлянка Анастасия, которая служила мученикам во время Неронова гонения) [1, кн. 7, с. 429–432; кн. 8, с. 231]. Примеры таких женщин должны были стать образцом для подражания всем христианам. Недаром отцы церкви ставили подвиг мучеников на первое место в служении Богу (*Сург. De hab. virg.* 6; *Ер.* 10; *Амвр. Мед. О девств.* I. 2. 9). Дж. А. Макнамара называет женское мученичество ответом на падение престижа женских церковных должностей [15, p. 94], что видится не вполне корректным, поскольку в период гонений на христиан, когда мы говорим о появлении и распространении женского мученичества, женские церковные должности еще вполне распространены: это и харизматические вдовы, и диакониссы, прислуживавшие в период укрепления епископской организации, и девы, пополнившие впоследствии стены монастырей [4, с. 15–16]. Здесь скорее можно отметить общую тенденцию, складывающуюся в процессе формирования христианства и реакции римских властей на распространяющееся новое учение, в котором женщины играли роль наряду с мужчинами, не выделяя себя по признаку пола. Времена гонений прошли, но в культе святых мучеников христианские женщины заняли особое место.

Таким образом, мученичество, одна из форм в том числе и женского института античнохристианского периода, представлялось христианам как прямой путь к личному спасению. Оно стало логичной реакцией на политику римских властей, связанную с требованием демонстрации политической лояльности режиму и почитания личности императора. Многочисленные подвиги, продемонстрированные мучениками-христианами, как мужчинами, так и женщинами во время казни, сыграли значительную роль в укреплении рядов единоверцев в тяжелый период гонений, смогли стать образцом для последующих поколений христиан. Подвиги христианских мучеников не имели целью привлечение сторонников из языческой среды. Женское мученичество стало еще

одним аргументом в пользу христианской идеи равенства в спасении; при общем равенстве в мотивации мученичества мужчинами и женщинами, женщинам было тяжелее порывать связи с земным миром.

Библиографические ссылки

1. Димитрий (митр. Ростовский). Жития Святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней Святителя Димитрия Ростовского, с доп., прим. и изобр. Святых / Св. Димитрий Ростовский. – М.: Православная книга, 1991.
2. Каргальцев, А. В. Гонения Деция и церковь середины III в.: мученики и власти / А. В. Каргальцев // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 1 (51). – С. 153–165.
3. Колосовская, Ю. К. Агиографические сочинения как исторический источник / Ю. К. Колосовская // ВДИ. – 1992. – № 4. – С. 222–229.
4. Ленцевич, О. М. Женщина в античнохристианской идеологии и церкви : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. М. Ленцевич. – Минск, 2001. – 21 с.
5. Пантелеев, А. Д. Мученичество и распространение христианства в Римской империи / А. Д. Пантелеев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. – 2015. – Вып. 3. – С. 33 – 44.
6. Пантелеев, А. Д. Христианское мученичество в контексте римских зрелищ / А. Д. Пантелеев // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2 (44). – С. 75 – 89.
7. Ранние мученичества: Переводы, комментарии, исследования / Пер., коммент., вступ. ст., прилож. и общ. ред. А. Д. Пантелеева. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2017. – 384 с.
8. Софян, А.Б. Феномен мученичества во взаимоотношениях христианской церкви и Римской империи (II – начало IV в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А.Б. Софян. – СПб., 2010. – 26 с.
9. Федосик, В. А. Киприан и античное христианство / В. А. Федосик. – Минск: Университетское, 1991. – 208 с.
10. Федосик, В. А. Мученичество в раннем христианстве. Очерк исторического восприятия / В. А. Федосик, В. В. Яновская, О. А. Яновский. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. – 255 с.
11. Carrington, Ph. The Early Christian Church: In 2 vol. / Ph. Carrington. – Cambridge: CUP, 1957. – Vol. 2. – XII, 519 p.
12. Castelli, E. A. Persecution and Spectacle Cultural Appropriation in the Christian Commemoration of Martyrdom / E. A. Castelli // ARG. – 2005. – № 7. – P. 102–136.
13. Frend, W.H.C. Archaeology and History in the Study of Early Christianity / W.H.C. Frend. – L.: Variorum Reprints, 1988. – 308 p.
14. Frend, W. H. C. The Donatist Church. A Movement of Protest in Roman North Africa / W.H.C. Frend. – Oxford: OUP, 1952. – XVI, 360 p.
15. McNamara, J. A. Matres Patriae / Matres Ecclesiae: Women of Rome // Becoming Visible. Women in European History. – Boston, N. Y., 1998. – P. 77 – 103.
16. Musurillo, H. The Acts of the Christian Martyrs / H. Musurillo. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 379 p.
17. Riposati, B. La stuttura degli Inni alle tre vergini martiri del «Peristephanon» di Prudenzio / B. Riposati // Paradoxos politeia. Studi patristici in onore di Giuseppe Lazzati. – Milano: Vita e pensiero, 1979. – P. 25 – 41.
18. Simon, M. La civilisation de l'antiquité et le christianisme / M. Simon. – Paris: Arthaud, 1972. – 560 p.